

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 114–128.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 114–128.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-114-128

«ДА И НЕ ВРАГИ ЖЕ МЫ С НИМ, В САМОМ ДЕЛЕ»: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ Н. А. БЕРДЯЕВА И В. И. ИВАНОВА

Анна Александровна Доронина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, adoronina@hse.ru

 Аннотация. В статье рассматривается философский диалог двух ключевых фигур Серебряного века — Вяч. И. Иванова и Н. А. Бердяева. Сопоставляются их концепции творчества, взгляды на свободу, человека и религию, сформулированные в доэмигрантский период. На материале двух статей — «Очарования отраженных культур. В. И. Иванов» и «Старая или новая вера?» — реконструируются ключевые точки расхождения религиозно-философских позиций мыслителей и выявляются их основания. Показано, что в период работы над «Смыслом творчества» Бердяев локализовал антропологическую проблему в концептуальных координатах, заданных понятийными парами языческое/христианское и мужское/женское и рассмотрел творчество Иванова и его личность через призму этой парадигмы, сделав вывод о неспособности симво-

© Доронина А. А., 2024

листа к религиозной антропологии. Кроме того, в статье проанализирована аргументация Иванова против бердяевского толкования свободы и человека. Делается вывод о том, что полярность позиций Бердяева и Иванова обусловлена разными типами их религиозного мышления и философского мироощущения.

Ключевые слова: Бердяев, Вяч. Иванов, творчество, свобода, христианство, человек, трагедия

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Доронина А. А. «Да и не враги же мы с ним, в самом деле»: к вопросу о религиозно-антропологических противоречиях Н. А. Бердяева и В. И. Иванова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 114–128. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-114-128.

Literature. Philosophy. Religion

“WE ARE NOT ACTUALLY ENEMIES WITH HIM”:
RELIGIOUS AND ANTHROPOLOGICAL CONTRADICTIONS
OF N. A. BERDYAEV AND V. I. IVANOV

Anna A. Doronina
National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, adoronina@hse.ru

Abstract. The article examines the philosophical dialogue of two key figures of the Silver Age — Vyacheslav I. Ivanov and Nikolay A. Berdyaev. It compares their concepts of creativity, views on freedom, human and religion formulated in their pre-emigrant period. Based on the material of two articles “Charms of Reflected Cultures. V. I. Ivanov” and “Old or New Faith?”, the author reconstructs key points of divergence of religious and philosophical positions of the thinkers and reveals the basis of their contradictions. It is shown that during the period of work on the

“The Meaning of the Creative Act” Berdyaev localized the anthropological problem in the conceptual coordinates given by the conceptual pairs pagan/Christian and male/female and considered Ivanov's work and his personality through the prism of this paradigm, concluding that the symbolist is incapable of religious anthropology. In addition, the article analyzes Ivanov's arguments against Berdyaev's interpretation of freedom and human. It is concluded that the polarity of their positions is due to the different types of their religious mindset and philosophical worldview.

Keywords: Berdyaev, Vyacheslav Ivanov, creativity, freedom, Christianity, human, tragedy

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Doronina, A. A. (2024) “‘We Are Not Actually Enemies with Him’: Religious and Anthropological Contradictions of N. A. Berdyaev and V. I. Ivanov”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(3), pp. 114–128. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-114-128.

Николай Александрович Бердяев и Вячеслав Иванович Иванов — не просто современники, в некотором смысле они разделили похожую судьбу. Пересекаются и темы их философского интереса. Оба ищут религиозного обновления, обращаются к проблеме творчества, отзываются на актуальные дискуссии своего времени, например, о смысле и значении пола, о природе гения, о значении культуры, о возможности религии в условиях духовного кризиса модерна и др. Их связывали не только личные отношения, они были участниками одного литературного-творческого процесса. Творчество Иванова и Бердяева можно было бы охарактеризовать как взаимно-диалогичное. Впрочем, эту характеристику следует в той или иной степени применить к любому интеллектуалу Серебряного века. Но интеллектуальная связь Бердяева и Иванова обладала особенным напряжением, которое сохранялось на протяжении творческого пути их обоих. По меткому замечанию современной исследовательницы, мысль каждого из них «формировалась как отклик на мысль Другого» [Symborska-Leboda, 2019, S. 159].

Бердяев председательствовал на Башне, писал рецензии на сборники Иванова, переписывался с ним, разворачивал полемику, наконец, сформировал

ровал собственное определение его творчества и личности. Некоторые исследователи подчеркивают факт влияния, оказанного Ивановым на Бердяева [Cymborska-Leboda, 2019, S. 159]. Иванов отвечал ему тем же: дискутировал, комментировал, писал рецензии, правда, был весьма осторожен в окончательной оценке философа и весьма сдержан в коммуникации, когда дело доходило до вопросов, касающихся его лично¹. Интересно, что сходства и расхождения в их взглядах во многом были найдены и сформулированы ими самими. Петербургский «башенный» период — эпоха плодотворная и устанавливающая большинство тем их диалога; дискуссии и споры — важная черта этого времени, во многом они сформировали уникальную собственную позицию их участников [Shishkin, 1994]. Примечательна диалектика идейной привязанности и борьбы между Бердяевым и Ивановым.

На основании оценок, выдвинутых самими мыслителями, можно было бы заключить, что они принадлежали разным мирам, во многом расходились идейно-мировоззренчески. Например, Бердяев исключает Иванова из своего круга, из своей эпохи, подчеркивая его обособленность: «Он [Иванов] совсем не характерен для религиозно-философских исканий и для духовного кризиса *нашей* (курсив мой. — А. Д.) эпохи» [Бердяев, 2016b, с. 332]. Этот весьма радикальный отказ в принадлежности конкретному историко-культурному периоду, фактически отказ в занимаемом месте компенсируется патетическими фразами: «И он — неуловим, он ускользает от всех определений, он хочет быть всем. (...) поистине в нем есть что-то от природы царедворцев» [Бердяев, 2016b, с. 332]. Однако, несмотря на дискуссионный и оппозиционный характер их отношений, Иванов и Бердяев, как отмечает современный исследователь, вполне способны составить «дуэт» в общей полифонии Серебряного века [Shishkin, 1994, p. 15]. Это творческое и мировоззренческое расхождение, будто преобладающее над тем, что их объединяло, постоянное акцентирование его — следствие стремления к честности по отношению друг к другу, а также следствие страстной и открытой натуры Бердяева.

В настоящем исследовании мы рассмотрим философские идеи мыслителей в так называемый доэмигрантский период их творчества, останавливаясь на ключевых работах, относящихся к 1900–1910-м годам. Главным образом мы обратимся к двум статьям: «Очарования отраженных культур. В. И. Иванов» Бердяева и «Старая или новая вера?» Иванова. Эти тексты высвечивают карди-

¹ Показательна в этом отношении его рецензия на книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», в которой Иванов в достаточно саркастической манере отвечает Бердяеву на его в большой степени оценочный текст «Очарования отраженных культур. В. И. Иванов», где Бердяев как бы делает зарисовку образа и творчества поэта.

нальные расхождения мыслителей в трактовках ключевых тем их философского внимания. Выбор статьи Иванова также обусловлен тем, что ее можно прочитать и как рецензию на книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», и как ответ на вышеуказанный текст Бердяева о нем.

Прежде чем перейти к содержательному анализу выбранных источников, сделаем краткий сравнительный обзор сложившихся к середине 1910-х годов философских взглядов мыслителей. Существенно упрощая и обобщая, можно заключить, что теоретические усилия обоих мыслителей сосредоточены вокруг проблемы творчества. Однако определение творчества и его границ у Бердяева и Иванова различается. Бердяев определяет творчество в самом широком ключе. Главная характеристика этого понятия — антитеза послушанию и приспособлению. Творчество связывает человеческую и божественную природу, его смысл — освобождение из «плена мира сего» [Бердяев, 1989, с. 149]. Творческий акт не зависит от рода деятельности его субъекта, он присущ человеку как таковому. Человек в философии Бердяева оправдывается творчеством, а творчество, в свою очередь, оправдывается своей духовной, религиозной, «бытийной» функцией. Путь гениальности, по Бердяеву, есть путь святости, а проблема творчества — это проблема антропологического откровения [Бердяев, 1989, с. 226].

Иванов же — теоретик и практик реалистического символизма, который «проанализировал концептуальную структуру своей собственной поэзии» [Bird, 2009, p. 89]. Он разрабатывал концепцию символического искусства как религиозного творчества, главная цель которого — свидетельствовать о внутримировой религиозной связи сущего, связи между *realia* и *realiora* (реальным и более реальным). Связь эта должна быть эксплицирована с помощью символического искусства. Примечательно, что в представлении Иванова искусство не освобождает человека (в смысле Бердяева), а, наоборот, подчиняет: «Не тогда ли только творит он успешно, — спрашивает Иванов, — когда творит бессознательно, когда направляющий его руку центр сознания не в нем, как личности, а где-то вне его?» [Иванов, 2018, с. 225].

Философским поиском Бердяева руководит антропологический вопрос. Человек понимается им как субъект творчества и свободы, потенциально способный освободиться от «накипи» культуры, преодолеть плен «мира». Антроподицея — главная задача Бердяева в трактате «Смысл творчества»: «Все внешнее, предметное, материальное, — пишет он, — есть лишь символизация свершающегося в глубине духа, в человеке» [Бердяев, 1989, с. 261]. И далее: «...не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке» [Бердяев, 1989, с. 261]. Представление философа о человеке вторит ренессанс-

ному: человек обладает *достоинством*, в его руках орудие Бога — творчество. Наступление творческой эпохи должно быть подготовлено новым учением о человеке и новой сверхкультурной реальностью.

В центре концепции символизма Иванова — *realiora* (высшая реальность), доступ к которой открывает реалистическое символическое искусство. И хотя вопрос о человеке занимает чрезвычайно важное место в творчестве символиста, антропологическая проблема как бы просвечивает сквозь теорию символизма, направленную на познание высшей реальности. Вопрос о познании человека ставится им в связи с философией культуры и искусства, а также в связи с проблемой, которая станет центральной у более позднего Иванова, — вопросом о религиозной связи сущего и отношениях между Я и Ты. Человеческое Я всегда есть только собственная потенция, а не реальность. Реальное Имя есть Имя Отца, данное человеку в его душе непосредственно как Ты [Иванов, 1979b, с. 267].

Для Бердяева искусство — частный случай реализации творческой свободы, хотя ему отдается предпочтение среди других видов творческой деятельности. Принципиальное в искусстве, по Бердяеву, — прорыв за пределы, установленные мировой данностью, эмпирическими условиями жизни. Современный ему символизм, к которому он относит и Иванова, наглядный пример кризиса искусства и культуры в целом. «Символизм, — пишет мыслитель, — есть неудовлетворенность культурой, нежелание оставаться в культуре, путь к бытию» [Бердяев, 1989, с. 453]. И в этом смысле символисты ему импонируют, он возносит их творчество до «последнего слова» эпохи искупления [Бердяев, 1989, с. 450]. В этом движении воплотился «творческий катастрофизм» — предвосхищение конца культуры и наступления нового бытия, где больше не будет искусства, но будет теургия, не будет культуры, но будет сверхкультура [Бердяев, 1989, с. 450]. Следует отметить, что, определяя таким образом течение русского символизма и формально упоминая Иванова среди символистов в «Смысле творчества», Бердяев не приписывает интуицию «катастрофического» ему лично.

Сопоставление взглядов Бердяева и Иванова на творчество, свободу, человека и культуру выявляет ряд существенных разногласий в их позициях. Кратко рассмотрим их. Прежде всего, обратимся к расхождениям в учении о человеке.

Для Бердяева принципиальное значение имеет утверждение человека, восстановление справедливого отношения его к самому себе. Антропологический пафос — предпосылка его философствования: «Акт исключительного самосознания человеком своего значения предшествует всякому философско-

му познанию» [Бердяев, 1989, с. 293]. Это сказывается и в гносеологии: тайна духа (бытия) — предмет познания настоящей философии — раскрывается через человека. Более того, по Бердяеву, бытие скорее «человекоподобно»: такое понимание противопоставлено классическому представлению о бытии как идеальном, которое, по логике философа, бессмысленно. Апология человеческой природы — нравственная задача: «Нравственность есть прежде всего внутреннее отношение человека к самому себе, — пишет Бердяев в ранней статье из сборника “Проблемы идеализма”, — искание и осуществление своего духовного “я”, торжество “нормативного” сознания в сознании “эмпирическом”» [Бердяев, 2002, с. 85]. Он выступает за самостоятельное, автономное значение человека для самого себя, критикуя «безнравственность» концепции альтруизма: «Давно уже пора уничтожить эту этическую фикцию “ты”, “других”, которая только мешает правильной постановке и решению этической проблемы» [Бердяев, 2002, с. 90]. Философия Бердяева этикоцентрична, положение человека по отношению к миру и Богу, безусловно, определяется этическим измерением.

Иванову претит идея острой необходимости апологии человеческой природы, которая существенна для Бердяева. Человек, по мнению символиста, и так удостоен большой чести, и историческое христианство вполне его «чувствует», именуя сыном Отца Небесного [Иванов, 1979а]. Имя это само по себе есть тайна достаточная, чтобы постигать ее всю жизнь, не надстраивая новых теорий. Бердяев же подчеркивает разрыв между небом и землей, который не смогла преодолеть историческая церковь, и полагает, что образ человека в церкви Петровой не совершенен [Бердяев, 1989]². В отзыве на «Смысл творчества» Иванов замечает, что Бердяев оправдывает человека авансом, то есть антроподицея в его понимании еще только должна случиться при определенных условиях религиозного обновления. Однако поэта не удовлетворяет такая «подмена» исторически уже свершившегося оправдания в виде боговоплощения — грядущим, в форме «самооткровения» человека [Иванов, 1979а]. Фактически он не принимает интуиции о наступившем духовном «совершеннолетии» человечества, которым ознаменована будущая эпоха религиозного творчества, самостоятельность и свобода человека.

² «Христианское возрождение нового, в Духе созревшего человечества, выходящего из эпохи детского страха и опеки, может стать лишь под знаком не церкви Петровой, а Иоанновой церкви и Иоаннова мистического предания. Иоаннова церковь не есть демократическая церковь опеки младенцев, приспособленная к греховной слабости и посредственности человека, — это Таинственная и вечная церковь Христова, лик церкви в себе самой, открывающийся человеку в восхождении на гору, а не приспособлении к низинам человечества» [Бердяев, 1989, с. 529].

В антропологии Иванова, изложенной им в мелопее «Человек» (ок. 1915), нескольких статьях, а также в «Переписке из двух углов», человеческая природа раскрывается иначе. В статье «Ты еси» (1907) он соотносит сущность Я с категорией Ты, которая имеет, с одной стороны, горизонтальное измерение — эмпирические отношения с ближними, и, с другой стороны, вертикальное — метафизическое отношение к Богу. Человек, по Иванову, не может осуществиться ни сам по себе, ни через творчество как таковое. Он определяется через Другого, даже в творческом акте. Творчество может выступать как проводник к Другому. Его главный тезис обнаруживается в первом письме к Гершензону в «Переписке из двух углов»: «Ибо поистине я не чувствую в себе самом ничего, могущего притязать на вечную жизнь, ничего, кроме того, что уже во всяком случае не я, кроме всеобщего и вселенского во мне, что связует и духовно осмысливает как некий светлый гость, мое ограниченное и неизбежно временное существование» [Иванов, 2006, с. 9]. Далее эта мысль еще более заостряется: «Ясно вижу, что не найти мне в моей мнимой личности (...) подобного хотя бы зародышу самостоятельного истинного бытия» [Иванов, 2006, с. 10].

В «Переписке из двух углов» раскрывается и характерное для Иванова понимание культуры. Для Бердяева культура представляет собой переходный этап, ступень развития духа, она должна и может быть преодолена. Критическая переоценка культуры, усталость и ощущение обремененности — общие симптомы интеллектуальной «болезни» Серебряного века. Кризис европейского искусства и кризис культуры отражаются в новых так называемых декадентских направлениях, которые, как, например, символизм, ощущают пресыщенность и усталость от культуры, дистанцируются от нее, полагает Бердяев. Творческий акт должен стать актом онтологическим, а не эстетическим. Культура как таковая есть нечто «срединное», внутримирное, эмпирическое. Иванов, видя вместе с Бердяевым идеал в теургии, тем не менее не призывает преодолеть культуру. Слово «культура», такое «школярское» и сухое, ему, правда, не слишком нравится, но то, что за ним стоит, содержит в себе не просто каноны и правила — внешние проявления культуры, — но и символы, тайны бытия. Принадлежность к традиции, то есть преемственности и связи этих символов, чрезвычайно важна для Иванова. Его работа «О границах искусства», где рассматривается процесс творческого акта художника, приобрела особенное значение для Бердяева. Однако Бердяев распространяет представленную в этой статье «феноменологию художественного творчества» «на всю культуру, на всякое культурное творчество» [Бердяев, 2016b, с. 339]. Его не устраивает продолжающееся консервирование культуры, дрящущееся настоящее, задержка на «этапе искупления» и откладывание эпохи свободного твор-

чества. Иванов говорит о каноне, Бердяев призывает отказаться от канона. Он пишет: «В. Иванов хочет религиозной культуры, религиозного искусства. Но эта устремленность его — архаизирующая устремленность, обращенная более назад, чем вперед. И эта его жажда соборности и сакральности проходит через культурные отражения...» [Бердяев, 2016b, с. 340]. Наконец, Бердяев выносит приговор Иванову: «У В. Иванова нет жуткого чувства наступления новой мировой эпохи, чувства катастрофического» [Бердяев, 2016b, с. 340]. В ощущении кризиса, в трагичности отказывает Бердяев Иванову. Именно поэтому, по мнению философа, Иванов исповедует примат культуры.

Рассмотрим подробнее характеристику, которую дал Бердяев личности и творчеству Вячеслава Иванова.

В 1909 году в рецензии на книгу Иванова «По звездам» Бердяев замечает, что в лице Иванова индивидуализм просвещения был противопоставлен народной соборности. Оценивая вклад Иванова в объединение культурного и религиозного, то есть культуры и культа, Бердяев пишет: «Он выдвигает творческую и экстатическую сторону религии и делает это вдохновенно. Нельзя не приветствовать призыва к религиозному творчеству, к религиозному почину...» [Бердяев, 2016a, с. 236].

Позже, в статье 1916 года «Очарования отраженных культур. В. И. Иванов», он более критичен. Бердяев отказывает Иванову в радикальной постановке вопроса о человеке, потому что тот слишком связан с языческой культурой, а антропологическая проблема в ее подлинной форме генетически связана с христианством: «Но пафос его [Иванова] — не антропологический пафос. Он слишком пребывает в языческой стихии и языческой культуре, чтобы болеть христианской проблемой человека» [Бердяев, 2016b, с. 341].

С возможностью настоящей антропологии связан и другой пункт критики Бердяева, в основании которого лежит специфическая метафизика пола. Иванов, по Бердяеву, тяготеет преимущественно к женскому божественному началу: «Весь творческий облик В. Иванова дает основание предположить, что корни его существа погружены в эту женственную мистическую стихию, что он и творить может лишь через женственное начало, через прививку женственной гениальности» [Бердяев, 2016b, с. 341]. Для Бердяева проблема человека может быть раскрыта только через связь «человеческого» с мужским началом. Эту аргументацию он разворачивает в «Смысле творчества», фактически определяя человеческое через мужское: «Женщина вне связи с мужским не была бы вполне человеком, в ней слишком сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная» [Бердяев, 1989, с. 402]. Иванов, по Бердяеву, относится к женскому культурно-антропологическому типу, в нем слаб, ни много ни мало,

человеческий дух. По мысли Бердяева, символист не способен к подлинной антропологии, потому что слишком погружен в женскую стихию.

Таким образом, Бердяев локализует антропологическую проблему на пересечении мужского/женского и языческого/христианского и локализует творчество Иванова и его личность в этой системе координат.

Еще одна линия критики связана с понятием трагического: Бердяев отказывает Иванову в настоящем осознании духовной трагедии современной эпохи³. Иванов, по мнению Бердяева, лишен трагического мироощущения, несмотря на то, что трагедия — предмет его профессиональных и творческих занятий: «Но трагедия В. Иванова никогда не оставляет впечатления жизненной, бытийственной трагедии, это — трагедия вторичного, отраженного бытия, бытия филологического» [Бердяев, 2016b, с. 333]. В глазах Бердяева талант Иванова исчерпывается «филологичностью», у него нет философского чутья, в отличие от Ницше, у которого тема трагедии носила персональный, экзистенциальный характер. Характерно, что, например, трагедия «Тантал», философские эссе и поэзия Иванова не показательны для Бердяева в экзистенциальном отношении. В фокусе его пристального внимания не столько тексты символиста, сколько его личность, манера и стиль.

Рецензия Иванова на «Смысл творчества» может быть прочитана как ответ Бердяеву. В ней он замечает, что Бердяев не проясняет понятия творчества. Он находит этому объяснение в неустранимой антиномичности самого феномена: «Да, неизъяснимо творчество, потому что в нем воплощается антиномия предельной свободы и предельного послушания» [Иванов, 1979а, с. 314]. Бердяев же отвергает антитезис свободе — послушание. Иванов обращает внимание на следующее противоречие в логике Бердяева: искупление творчеством невозможно, потому что человек не может самоискупиться. Творчество, названное теургией, не может стать антропологическим откровением: «Но постигает это только тот, кто чувствует, что наиболее активным, свободным и самодеятельным из всех действий человеческой воли были некогда сказанные тварностью Творцу слова: “Се, раба Господня”»⁴ [Иванов, 1979а, с. 314]. Кроме того, Бердяев, по мнению Иванова, неверно толкует тайну отношений между человеком и Богом и, соответственно, природу человека: «...человек, по мысли Бердяева, совершается, или достигает своей божественной энтелехии, еще до своего во Христе воскресения» [Иванов, 1979а, с. 315]. Итак, Иванов полагает, что изложенная в «Смысле творчества» концепция антропологического откоро-

³ Примечательно, что многие современные исследователи трактуют фигуру Иванова именно как трагическую. О философии трагедии Иванова, например, см.: [Lechowska, 2020].

⁴ Иванов намеренно использует выражения Бердяева, оппонировав ему.

вения через творчество, во-первых, внутренне противоречива и, во-вторых, основана на особенном толковании человеческой природы, по сути своей антихристианской. Бердяев, по Иванову, разворачивает опасный мистицизм, подкупая решительностью и радикальностью. Кроме того, Иванов принципиально не разделяет идеи преодоления культуры и религиозного трансцендентализма. В заключение он пишет, что характерно, о личных достоинствах Бердяева и собственной оценке его православия. Иванов не отказывает Бердяеву в вере и отмечает, что вера его есть вера предков, а не плод его воображения, она не принадлежит ему так же, как его книга. Аргументы против бердяевской концепции человека и творчества сводятся у Иванова главным образом к антиномии свободы и послушания. В теории искусства Иванова эта проблема занимает центральное положение и разрешается через особенное определение человека — субъекта творчества: в творческом акте у Бердяева есть носитель, у Иванова идеалом творчества является потеря собственного Я.

В целом можно прийти к заключению, что различия их взглядов во многом стали следствием различия типов их религиозности. В своей рецензии Иванов фактически противопоставляет Бердяеву *ортодоксально-церковную* позицию. Религиозность Бердяева, по мнению Иванова⁵, носит гностический характер, отсюда революционное стремление преодолеть «мир», «культуру», посястороннее, презрение к женскому началу, пафос чистого духа и т. д., и именно гностическую тенденцию не приемлет в нем Иванов, хотя и великодушно приписывает ему «веру предков», объясняя отступление от нее искажением, которое она претерпевает в индивидуальном сознании Бердяева. Иванову чужд пафос индивидуальности, самостоятельности личности, автономии человека и беспредпосылочности свободы. В переписке с немецким филологом Курциусом он замечает: «Головоломный гностицизм Бердяева, его сверхправославие, опирающееся главным образом на Якова Беме и желающее быть чем-то подобным *Evangelium Aeternum* Третьего царства, равно как его взгляды на русский народный дух, Достоевского и т. д., обладают свойством раздражать меня — сколь бы ни ценил я его духовное благородство» [Вахтель, 2016, с. 391].

Обращает на себя внимание, что и Бердяев, и Иванов приписывают друг другу одни и те же «пороки». Так, Бердяев говорит о том, что Иванов на протяжении всей жизни остается верен Ницше, хотя последний как мыслитель превосходит его, а Иванов замечает это в Бердяеве («Бердяев — усердный

⁵ О гностицизме Бердяева писали и современные исследователи, см., например: [Гайденко, 1993].

почитатель Ницше, но не во всем ему конгениален» [Иванов, 1979а, с. 316]); Бердяев пишет о западничестве Иванова, о его «нерусской» душе («Перед сознанием В. Иванова совсем не стоит острая проблема отношения культуры и бытия, культуры и жизни, он не чувствует трагедии культуры (...) В этом он не русский, он западный человек» [Бердяев, 2016b, с. 334]); Иванов прослеживает то же у него самого, обращая внимание на иерархию в концептуальной паре гений-святой в философии Бердяева («Для человека западной обмирщенной образованности лучший цвет человечества — гений, для русского народа — святой» [Иванов, 1979а, с. 316]).

Нельзя не отметить, что характеристика, данная блестящим афористом Бердяевым в адрес Иванова в «Самопознании», письмах и других текстах, широко известна и не может не влиять на восприятие символиста. Бердяев приписывает ему многоликость, универсальность, даже приспособленчество. Иванов для Бердяева — человек другого времени, не разглядевший трагедию творчества, лишенный чувства катастрофического, живущий в «отражениях культурных эпох», консерватор — не революционер. Примечательно следующее: вспоминая о Башне — эпохе близкого общения и дружбы с символистом, — Бердяев подмечает, что всегда считал себя «довольно плохим» председателем, в то время как Иванов «не допускал мысли» о его отсутствии на «средах». Эта оговорка возвращает нас к тексту «Очарования отраженных культур», где философ так же дистанцируется от символиста, исключая его из списка современников, разделивших драму эпохи. Кроме того, в этом же тексте Бердяев упорно отказывается признавать в Иванове равного себе мыслителя, называя его «филологом», что в целом закономерно, ведь поэт не удовлетворяет выдвинутым им критериям современного философа — его «утонченный академизм» не вмещает проблемы антропологического кризиса.

В заключение хотелось бы отметить, что представления Бердяева и Иванова друг о друге во многом обусловлены полярностью их личностей и разными типами их религиозности. Оба они отказывают друг другу в подлинной религиозной антропологии. Бердяев не может принять в своем оппоненте ницшеанство и дионисийство — ранние и знаковые увлечения Иванова, его попытку связать эллинскую религию с христианством, а также делает вывод о женственном складе личности Иванова, исходя из собственного учения о поле. Иванов же обвиняет Бердяева в непоследовательности в учении о творчестве и человеке, непроясненности мысли и — в конечном счете — его религиозной позиции, которую он характеризует как гностическую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бердяев Н. А. О книге Вяч. Иванова «По звездам» // В. И. Иванов: pro et contra, антология / сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2016а. Т. 1. С. 235–238.

Бердяев Н. А. Очарования отраженных культур. В. И. Иванов // В. И. Иванов: pro et contra, антология / сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2016б. Т. 1. С. 331–342.

Бердяев Н. А. Смысл творчества // *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества / под ред. Е. В. Антонова. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 251–534.

Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002. С. 70–114.

Вахтель М. Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом // Текст и традиция: альманах, 4 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». СПб., 2016. С. 386–407.

Гайденко П. П. Мистический революционаризм Н. А. Бердяева // *Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 5–18.

Иванов В. И. Спорады // *Иванов В. И.* По звездам: опыты философские, эстетические и критические: статьи и афоризмы. В 2-х кн. / отв. ред. К. А. Кумпан. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Кн. I: Тексты. С. 219–245.

Иванов В. И. Старая или новая вера? // *Иванов В. И.* Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979а. Т. 3. С. 311–320.

Иванов В. И. Ты еси // *Иванов В. И.* Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979б. Т. 3. С. 262–268.

Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов / подг. текста, прим., ист.-лит. комм. и иссл. Роберта Бёрда. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. 208 с.

Bird R. Concepts of the Person in the Symbolist Philosophy of Viacheslav Ivanov // *Studies in East European Thought.* 2009. Vol. 61. P. 89–96.

Symborska-Leboda M. Вячеслав Иванов — Мартин Бубер — Габриэль Марсель: у основ персоналистической рефлексии (концепт Я-Ты отношение) // *Mundo Eslavo.* 2019. № 1. S. 166–177.

Lechowska M. Perverse heroism. Vyacheslav Ivanov's dialogue with Nietzsche // *Вестн. СПбГУ. Философия и конфликтология.* 2020. Т. 36, вып. 2. С. 254–263.

Shishkin A. Le banquet platonicien et soufi à la “tour” pétersbourgeoise: Berdjajev et Vjaceslav Ivanov // *Cahiers du Monde russe.* 1994. XXXV. P. 51–66.

References

- Berdyayev, N. (2016a) “O knige Vyach. Ivanova ‘Po zvezdam’” [“About Vyach. Ivanov’s Book ‘Po zvezdam’”], in *V. I. Ivanov: pro et contra. 2 vols. Vol. 1*. St. Petersburg: RHGA, pp. 235–238.
- Berdyayev, N. (2016b) “Ocharovaniya otrazhennykh kultur. V. I. Ivanov” [“Charms of Reflected Cultures. V. I. Ivanov”], in *V. I. Ivanov: pro et contra. 2 vols. Vol. 1*. St. Petersburg: RHGA, pp. 331–342.
- Berdyayev, N. (1989) “Smysl tvorchestva” [“The Meaning of the Creative Act”], in Berdyayev, N. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda, pp. 251–534.
- Berdyayev, N. (2002) “Eticheskaya problema v svete filosofskogo idealizma” [“Ethical Problem in the Light of the Philosophical Idealism”], in Berdyayev, N. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sozialnye i literaturnye (1900–1906)* [Sub Specie Aeternitatis. Philosophical, Social and Literature Essays (1900–1906)]. Moscow: Kanon+, pp. 70–114.
- Wachtel, M. (2016) “Perepiska Vyacheslava Ivanova s E. R. Kurziusom” [“Correspondence by V. Ivanov and E. R. Curtius”], in *Tekst i traditsia* [Text and Tradition]. St. Petersburg, pp. 386–407.
- Gaidenko, P. P. (1993) “Misticheskii revolyutsionarizm N. A. Berdyayeva” [“Mystical Revolutionism of N. A. Berdyayev”], in Berdyayev, N. A. *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. Moscow: Respublika, pp. 5–18.
- Ivanov, V. I. (2018) “Sporady” [“Sporades”], in Ivanov, V. I. *Po zvezdam: opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie: stat'i i aforizmy. V 2-kh knigakh. Kniga I* [By the Stars: Philosophical, Aesthetic and Critical Experiments: Articles and Aphorisms. In 2 books. Book I]. Ed. by K. A. Kumpan. St. Petersburg: Pushkinskii Dom Publ., pp. 219–245.
- Ivanov, V. I. (1979a) “Staraya ili novaya vera?” [“Old or New Faith?”], in Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 3* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 3]. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien, pp. 311–320.
- Ivanov, V. I. (1979b) “Ty esi” [“You are”], in Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 3* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 3]. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien, pp. 262–268.
- Ivanov, Vyach.; Gershenson, M. (2006) *Perepiska is dvukh uglov* [Correspondence from Two Corners]. Moscow: Vodoley Publishers; Progress-Pleyada.
- Bird, R. (2009) “Concepts of the Person in the Symbolist Philosophy of Viacheslav Ivanov”, *Studies in East European Thought*, 61, pp. 89–96.
- Cymborska-Leboda, M. (2019) “Vyacheslav Ivanov — Martin Buber — Gabriel Marsel: u osnov personalisticheskoy refleksii (konzept Ya-Ty otnoshenie)” [“Vy-

vyacheslav Ivanov — Martin Buber — Gabriel Marcel: At the Foundations of Personalistic Reflection (The Concept of I-Thou Relationship)”, *Mundo Eslavo*, 1, pp. 166–177.

Lechowska, M. (2020) “Perverse Heroism. Vyacheslav Ivanov’s Dialogue with Nietzsche”, *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology]*, 36(2), pp. 254–263.

Shishkin, A. (1994) “Le banquet platonicien et soufi à la ‘tour’ pétersbourgeoise: Berdjaev et Vjaceslav Ivanov”, *Cahiers du Monde Russe*, XXXV, pp. 51–66.

Информация об авторе: Анна Александровна Доронина — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Anna A. Doronina — PhD in Philosophy, Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024;
принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.